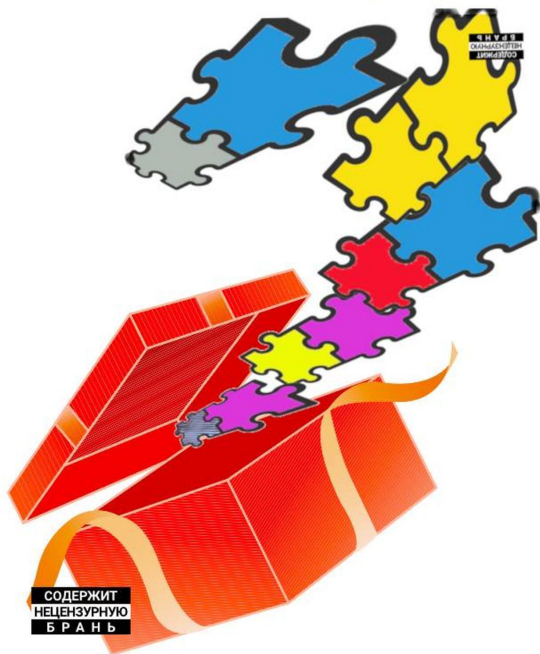

С. Огольцов

Шедевр

СВОИМИ

руками

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Огольцов

Шедевр своими руками

<https://litres.ru/73507049>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это не ящик Пандоры и не вуду-прибамбаса. Нет, это, всего-навсего, коробка с красочной наклейкой: Шедевр своими руками!. Внутри набор комплектующих пазло-деталей (они же КПД) в количестве 33 шт. Убедитесь в наличии и ознакомьтесь с прилагаемой инструкцией

Содержание

Инструкция пользования набором «Шедевр Своими Руками!»	4
КПД #1: Изначалие Окончания	10
КПД #2: Звучание Отчаяния	23
КПД #3: Прискорбие Недосягания	33
КПД #4: Проявление Терпения	43
КПД #5: Вразумление Неведения	44
КПД #6: Постижение Живописания	60
КПД #7 Горевание Прощания	70
КПД #8: Переживание Разочарования	79
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Сергей Огольцов

Шедевр своими руками

Инструкция пользования набором «Шедевр Своими Руками!»

Консумеризм прилипнул всерьёз и со повсюду...

(Ухх! Крутёхонько выдал, а? То-то же, – знай наших!)

Не зря-таки вот просто тянет иногда – обнять себя за оба уха и расцеловать в несовпадающую бритость щёк (расхождения в ней почему-то сильнее выражены именно там, в непосредственном соседстве с у́хами, и хоть скоблюсь не ежедневно, но с повсеместной равномерностью, вроде ж как бы)...

Причём порыв к самовознаграждению глубинный весь такой, с той чистой искренностью, что самотёком из души журчит, без всякого уклона в склизкие излишества... Ну, типа там мужик мужика... чуть ли не взасос... невзирая на недельную щетину... Потому как: далеко ли мы уедем, вообще, и до чего докатимся с такими гомо-мазо-трансо закидонами?...

И сюда же можно присовокупить немало прочего разного. Можно, да не нужно. Подобные соображения никак не

приветствуется и далеко, и вовсе. А заглядевшись на заоблачность мечтаний, рискуешь своим ежедневным рационом. Как всегда.

Элементарный опыт жизни подсказывает насколько невозможно так запросто вот взять и впарить толерантность в любую климатическую зону, без оглядки на метеоусловия... Не-а. Или, может, на карнавал вдоль просек потянуло? Под ритм весёлой румбы топоров?

“Шли по лесу дровосеки, оказались гомосеки... ча-ча-ча!”

Вы слушали концерт по заявкам радиослушателей, кто без субтитров затрудняется врубиться в текст песенной лирики...

Нет, в данном случае совсем другое, – кристально незапятнанное. Тут про то, как взять, облапить и, с неповторимо брежневским причмоком троекратным, в каждое из ух – чымлямся! на! заслужил, красава!

Ведь погляди ж, какую загогулистую херню выдал! Да и слово ненормативное такое – консурмурмизм!... Или как там его? А ведь всего-то ещё только два часа пополудни!...

Причём данный пёрл – щедро сыпанут в краеугольный зачин вводной инструкции, без оглядок на вероятность жёстко отыметься, впоследствии, неся ответственность по всей строгости буквы перед законом...

А вот фига с два! Да, привычка к страху остаётся, в силу своей укоренённости, однако само ощущение как-то по-

лустёрто, завалявшись в долгом ящике глубокого прошлого. "Усопшему не дотянуться", – говаривали этруски, пока не стали римлянами. Мне Мишаня Ростовцев весьма даже подробно про них толковал, пока не слинял в гнездовья Эмигрантской Лиры...

И потому любой нравоучительной держиморде, что вся а ж так и рвётся с поводка – нарыть несовпадений с директивами цензуры, – даю "зелёный свет" на проведение раскопок, а все добытые улики пускай засунет себе... ну... хотя бы и под хлястик... с разгону да поглубже... А я уже своё отбоялся, вступил в завершающий период жизни занесённых в Красную Книгу динозавров. Не исключено, что даже и последний из...

Не, ну, возможно, парочка ещё где-то-нибудь и завалялась, непредсказуемо, однако никак не в нашем районе.

Да – динозавр, и срок подачи на апелляцию упущен безвозвратно, а в обходные лазейки, по габаритам своих технических характеристик, – не вписуем...

Мною застаны были те ещё времена, когда джинсы оставались джинсами, а не дырчатой вуалью для показа коленных чашечек и областей близрасположенного кожного покрова. А и даже ещё эпоха простроченных красной нитью штанов, "техасов", из которых джинсы, собственно, и выродились, где-то пылится ещё в памяти моей (это тут уже не про красную нить, а про эпоху, её-то ведь в стиральную машинку не запхнёшь).

Помню, как сейчас, французский фильм крутили (только название забыл), где и прозвучала фраза «клиент всегда прав», после которой и имеем то, что имеем – глобально налипнувший конsumerизм. Ну, то есть, куда ни кинь, а он уж там – обложил же ж, выблядок, по полной.

Народ в ту пору всхохорился, а то! Всякому ж охота в первые клиенты выйти, ну – и развалили нахрен приснопамятный СССР, не к ночи будь он помянут.

Хотя, конечно, в ряду вырожденков по кличке «государство», он далеко не первый, и в историю государства Российского, после 11-ти утра, заглядывать не рекомендую – во избежание резкого упадка функций жизнедеятельности.

В общем, данный клинический случай лучше отложить, тем более, что тема у инструкции иная, а именно: отчего романам капец нагрязнул?

По техническим причинам, как нас всегда и учили.

Возьмём простой пример – роман Толстого «Война и Мир», и спросим у себя откровенный вопрос: а совладает ли среднестатистический чемпион по набору СМС-текста на-тёпать эдакую прорвищу (всего двумя большими пальцами рук, левой и правой) до окончания своего срока жизни?

Вздохнёмся и признаем: до середины второго тома, може, да, а на́больше не вытянет.

Отсюда выплывает итоговый вывод:

Роману, как таковому, в глобальных сумерках конsumerизма не светит ничего, помимо Красной Книги.

Суровая правда жизни: хочешь – жуй, а хочешь – плюй.

С другой же стороны, наличествует масса консумариев, которым делать отнюдь нех-нихт-нихил со всею ихней всегдашней «правотой».

«За что боролись, на то и напоролись», – ходило выражение среди Героев Гражданской Войны (1917 – 1922), шагавших к стенке для приведения в исполнение, по статье 58-й.

(Кому-то из начинающих или уже конченных писателей случалось замечать явление прилипчивости? Бывает, слово в строку вставишь, недолго думая, раз уж подвернулось, так оно же непременно норовит ещё и в дальнейший примазаться. Если уж не натуральным своим видом, так хотя бы курс тематики покривить. Чёрт меня дёрнул Союз поминать...)

Но хватит отвлекаться на извечные грустности и саморекламу раскруткой профессиональных умностей. Нет, сфокусируюсь-ка на предстоящей книжке, куда предисловие не кончилось.

Она, конечно, вовсе не роман (сам не пойму: какого хрена ещё и Толстого сюда приплёл), а всего лишь «Набор Начинающему Шедеврописцу» (ННШ), из которых любой, кому не на что свою ‘правоту’ расходовать, волен скомпоновать (ухх! ничего себе, а? какой терминологией амперирую!) собственный роман, по усмотрению личных предпочтений и с полным на то правом через «копилефт» (copyleft;-).

И автор (вон он, под конец скобок в прошлой строке, подмигивает правым глазом) ни на кого и никуда не подаст и не

привлечёт.

Как раз к такому выводу подводит, прямым текстом, призыв названия коробки: «ННШ Сромань-Сам!», тем самым предлагая применить набор заложенных в него деталей как, скажем, блоки ЛЕГО (их в моём детстве не было, но внуки научили забавляться).

Однако каждая деталь имеет чисто техническое наименование: «Комплектующая Пазло-Деталь», она же КПД.

При желании, из этих КПД несложно выложить картинки, в любом порядке сочленённости, вплоть до спектрального психоделизма, или же пирамидки, опять-таки на свой вкус. Менять, вставлять своё и даже превращать, для заполнения досуга, в увлекательную онлайную или настольную игру – воля ваша.

Ну ясно ж, нет? Или, на всякий (для образной наглядности), – вот вам коробка, в неё что-то потарахтывает... Что конкретно? Сромань сам свой шедевр – тогда увидишь...

Количество предложенных деталей КПД можно и не раскрывая угадать.

На этом самая пора заокруглить общую черту, яснее вряд ли растолкую. Да и другие есть ещё дела.

Время не ждёт, но покуда что терпит... меня, последнего из динозавров.

Всем всех доступных благ`

Сергей

Степанакерт, 2022-08-25

КПД #1: Изначалие Окончания

Аппетитно хрустнул механизм, звучным обнадёживающим щелчком, как и положено Английскому замку в притянутой квартирной двери...

Наверно, у него внутри там вставлена пружинка, сперва даст язычку отъехать, а как на щель уже придвинется – трюх! ей в прорезь, – и вкляцнулся по самое небалуй, до полного удовлетворения концепции.

А как же! Всё должно соответствовать главному принципу, основе основ – чем проще, тем надёжнее. Проникнись, осознай и руководствуйся, исходя из него, во всех вопросах: от бытовых до сугубо технических.

Кружок да палочка, куда уж проще, а вместе с тем, в них есть абсолютно всё необходимое для составления наисложнейшего проекта. Заложено изначально.

Любые рококо орнаментальности не более чем элементы этих двух, в различно вывихнутых сочетаниях. На всё про всё хватает данной пары – простейших палочки да дырочки.

Взгляни, для примера, на исток любого-всякого, пусть даже наи-что-ни-на-есть грандиозно-эпохального проекта, там что?

Ха! Колышек, дырявящий площадку!... "Чуток ещё левей! Точняк! Всади поглубже, Толян!"

А на следующем этапе реализации проекта в ход идёт

дальнейшая пара: лом и яма, им долбимая. Назло завистливым соседям...

Вот на чём именно и стоит мир, со дня творения – все эти пестики-тычинки, поршни в цилиндрах, да хоть что... куда ни кинь, а клин всё тот же, как и, по сути, сам процесс: на, сучка! на, сучка! НАА!..

Дмитро Иванович одобрительно прихмыкнул в адрес своего неперменного фаворита в неперменной паре участников неизменного процесса, что повсеместно повторяют сам себя.

Трудно сказать почему, однако предпочтения его, как болельщика, всегда оставались на стороне одного и того же из двух. Возможно, сказывалась некая солидарность или же какая-то общность интересов именно с этим участником, входящим в состав любой, отдельно взятой, пары из О и I.

Причём в реальности сам процесс вполне мог даже и отсутствовать (пока что или же уже), то есть, не производиться. Однако достаточно ему, процессу, просто взбрести на ум Дмитро Ивановичу – ну, вот как только что, при замочном прищёлке, и возникает солидарность сопереживания.

Болельщицкие симпатии Дмитро Ивановича не менялись, их отличала устойчивая стабильность.

Процесс один, но пар бессчётно, за всех не переболеешь. Высвобождая ум от поводов к ухмылке, он не спеша оборотил свой взгляд, а с ним и неспешно текущий поток сознания, на серый бетон в ступенях марша, спускавшегося к промежуточной площадке между этажами, где его сменит сле-

дующий, такой же серый и точно так же уходящий вниз, в обратном направлении, на ровно ту же глубину – такие же полэтажа, – чтобы там, в свою очередь, смениться другим, развёрнутым на 180 градусов и уходящим ниже, в той же мере, туда, где уже другому придёт черёд сменить его и продолжить последующим развоборотом кругообразно прямоугольное винтовращение сменяющихся неподвижных маршей «в доме, который построил Джек» – передовик, ударник производства, член профсоюза и трудового коллектива СМУ-123, монтировавший их тут по проекту, что предусматривал такую, и только лишь такую, неизменную переменность челночно самоповторяющегося процесса подъёма или спуска. Наверх: вперёд-назад... вниз: назад-вперёд...

Так и стекают они, марши эти, под гору, до самого до дна, до прямоугольной дырки выхода из подъезда, уложенные тут почти вплотную, бок о бок, без просветов...

(Дмитро Иванович и в мыслях даже не держал каких либо намёков. Бездумно безответственных. Ни-ни, про "беспроектность" он избегает каламбурить.

Не то чтобы табу, а всего лишь разумная сдержанность. У нас всё есть, и потому нам ничего не надо. Подъезд, как подъезд – хрустальная мечта клаустрофоба.

А игры слов со скользкими уклонами – нам без надобности. Естественный отбор не дремлет, верность правильным воззрениям под неусыпным контролем: как извне, так и изнутри.

Уважение к устоям блюдётся надлежаще. Мы ими гордимся, мы преданы им и не предадим наш самый прогрессивный соцобраз жизни. Не на таких напали!)

Потому что простота – основа прочности, любое чудо техники, в конечном итоге, раскладывается на сочетания из палок-дырок.

Да-да! С того момента, когда палка вошла в дырку из охвата мохнатым кулаком доисторического предка, меняются лишь размеры, но не принцип действия. А вымыслы отсталых мифологий про трёх китов в основе мироздания, и диспуты ряженных дилеров опиума для народа, на тему единосущной троицы и прочей всяческой херни – не более чем происки ползучей шизофрении на службе вражеских разведок.

Ну, да и ладно, кому тут что доказывать, в пустом подъезде.

Вполне даже культурная у нас тут клетка... то есть, в смысле, лестничная. Не так чтобы совсем уж на образцово-показательную потянула, однако грамоты вполне заслуживает, вплоть до Почётной, в соцсоревновании всех, без исключения, пяти подъездов данной пятиэтажки на звание подъезда высокой клеточной культуры.

Вандалы здесь не шкрябали (покуда что, выше третьего этажа) свою арифметику для объявлений на чью дырку (перед знаком «+») чья палка (после знака«+») губу раскатала, и чем завершится эпизод после спарки палок (« = »).

К тому же начисто отсутствуют размашистые фрески члена с яйцами, в стиле Пикассо. Тот хоть и абстракционист, но сочувствующий делу мира и прогрессивных преобразований. Чтоб лагерь социализма рос и ширился. И знаменитую Голубку Мира, по заказу от страны Советов, он же нарисовал. Забесплатно, кстати...

Побелка мирно, год за годом, обрастает чёрной пылью, повыше выкрашенной, в рост человека, полосы, где штукатурка, начиная от ступенек, покрыта корочкой масляной краски. Панель казённо-зелёного (всё как у людей) оттенка, с неизбежными следами будничного течения жизни.

Тут вот – какой-то несознательный подлец, в ходе домашнего ремонта, спустился/(поднялся?) на межэтажную площадку, и досуха вытер кисть (да, колер хоть не слишком-то совпал, однако же зелёная), теперь, не покупая новой, можно приступать к окраске пола. Красной, конечно же.

А там вон – грузчики пропахали борозду, не вписавшись холодильником, на вираже с узкой площадки в тесноту марша, покуда пёрли (туда-сюда, вперёд-назад...) к двери, куда подрядились затащить...

...

Обычный – с некоторых недавних пор – предикамент случился: Антонина Васильна забыть изволили-с, что дома хлеба нет, вот и послала.

Нет, насчёт «послала» давайте-ка поаккуратнее, Дмитро Иваныч не из тех, кого без всяких яких взял да и послал.

Старший преподаватель на кафедре Английского языка, как-никак. Звучит же ж, нет?

Да, вуз – провинциальный, однако именной, орденоносный, а не хухры-мухры. Причём не просто Старший Преп, как прочие сверчки по их шесткам, а СтарПреп с личным багажом, филологичным...

А здесь вам, кстати, далеко не то что там, а уж тем более не аж там-там, в азиатской Азии, где ханы с баями перекроились в Генсеков окраинных ЦК КПСС и, прицепом, – дипломы, должности, лауреатства, степени и прочее т. д., стали теперь пусть и особым, но ассортиментом товара сезонных распродаж, для внутриклановых подарочков...

Кому? «Кому-кому»... Уж им виднее, кому надо!... Вот кому.

И что же, спрашивается, удивляться упорному сопротивлению загородной дачи товарища Рашидова – полдня давали прикурить батальону войск спецназа МВД...

Цып! Цып! Мои цыплятки!

Чик-чик-чик, мои ребятки!...

М-да... «пушистые комочки»...

«Партия сказала "надо!"», и – покатили эшелоны туфты и приписок Белого Золота...

А куда денешься, если Старшóму Братану в башку не лезет, что поле трижды в год рожать не может, сколько б ты там не внедрял бумажных миллионов на ирригацию.

Не-мо-жет: хоть модернизированными АК его перепа-

ши...

Непотизм от Латинского «племянник», кажется? Ну не то, чтобы у нас – в остальной соц-Азии на одной шестой части планеты – совсем уж клановщиной даже и не пахнет. Хе!

Кум, сват, брат, крестник – от ближних не уйдёшь и не отвертишься, ты ж не упырь какой-то.

И, кстати, насчёт взаимопониманий, нам остаётся только позавидовать Евреям: те своего непременно пристроят, даже если он полный мудака, и даже если прекрасно сознают, что мудака безнадёжнейший, они своего не бросят. Фамилия Зильберман или Гольдштейн таки обязывает пристроить...

А у наших, у Славянских мудаков?

«Петро, ты сидел?»—«Та сидів, а шо?»—«Так и я ж сидел, а Иван вон не сидел».—«Так шо? Посóдим?»—«Да, на-да б зáняться...»

Однако же одно дело – туфта дипломов и сертификатов, но совсем вторая разница – багаж. Его головой заработать надо.

А голова у Дмитра Иваныча всегда на плечах имелась, смолоду. Ещё как только-только получил диплом учителя Укр. Мови та Літ-ри, а тут предложили годичные курсы переквалификации на Английский язык – он так даже и думать не стал: конечно! Это же как 2 диплома получается, а 2 диплома – это всё равно что 2 лыжные палки.

Украинская палка особенно полезна в среде интеллигентных душ, затюканных засильем Москалей на ключевых по-

стах. Скромное «вчитель мови» это как пропуск и рекомендательное письмо к нынешним корифеям типа Бориса Тэна, что «Одиссею» перевёл на Украинский, и к прочим нужным людям, в распоряжении которых имеются рычаги воздействия.

Отсюда же и должность на кафедре Английского... педвуз провинциальный? – зато не класруком в сельской школе.

С годами и произношение пришло, хотя то грёбаное [Ө] у Ромы Гуревича аутентичнее звучит. Как-то они натасканнее к языкам, и к театральщине тоже, эти Еврейские собратья по интеллигентной прослойке гнобимых ключарями-вертухаями.

Ну, а Шевченко, что ж, всему есть объективные причины... каждый из нас – продукт текущего вокруг периода, а в его время, класс пролетариата ещё даже и зародиться не успел, для роли будущего гегемона... вот и проскальзывают у поэта высказывания в духе хуторских дебилов середины прошлого столетия...

Однако Рома может спать спокойно – 98,9 % Украиноязычного населения том Кобзаря ни разу в жизни и не открывали. Творчество знают в объёме одной-единственной строки Тараса, бессмертно крылатое:

«...і виріс я на чужині, і сивію в чужому краї... »

... но и не более того, спасибо обязательному среднему УкрССР. На территории которой, кстати, окончание фамилии на «-ко» никак не гарантирует, будто он вовсе не сексот,

вот этот вот „чолов’яга“, с кем ты сейчас политические анекдоты травишь.

А сколько всяких «-ко» дослужились и до верхних вертухайских эшелонов? То-то же. Социализм, он всех нивелирует.

В общем, багаж мало-помалу, а таки скопился. Перевод с Английского пьесы Шекспира! Ха! Как вам это нравится?

Борис Тэн в ту пору бросил клич – донесём Шекспира до Украинского читателя! Вот Дмитро Иваныч и стал одним из доносителей... нет, ну то есть... эта двусмысленность тут вообще ни в какие ворота...

Да, к нему, конечно, подходили из КГБ, когда он уже в институте работал. Вернее вызывали... с предложением, чтобы сотрудничал. Ну так он: ни да ни нет, подумать надо. Тянул волынку, пока не отстали.

Отец ему ещё в студенческие годы внушал: «Будуть вербувати. У зрадники не йди!»

И, как следствие, в соответствующей графе на одном из листков бумаги, в папочке со словом «Дело» на белой, податливо-картонной обложке, аккуратно-чиновничьим почерком вписалась соответствующая пометка.

Два белые шнуручка, вклеенные посередке обложечных краёв, увязались «на бантик», не туго, и папочка вернулась в угловатый сейф сумрачно-сталистого оттенка, за спиной деловода в невидимых погонах капитана на плечах.

Вот как дело было-то, что про Дмитра Иваныча неглас-

но закрепились мнение, будто симпатизирует он, втихаря, Украинскому национализму.

Однако в общественном поведении, подтверждений мнению он не предоставил, за исключением подчёркнуто неукоснительного пользования одной лишь «мовой». В своей повседневной жизни, как на бытовом, так и преподавательском уровне, он говорил исключительно Украинским языком.

Впрочем, отдача предпочтений «рідной мове» не повлечёт даже и административной ответственности. Ну, нет статьи за это, не предусмотрено Уголовным Кодексом УкрССР.

Вот он и жил себе спокойно, преподавал какую-то из грамматик Английского, и ещё какую-то теоретическую херню, будущим учителям Английского, невзирая на глухие слухи, просочившиеся сквозь сталь стенок сейфа в кабинете органов. Город-то маленький...

...

Да, он чем угодно готов поклясться, что по прибытии в Киев (4 часа езды электричкой), он, ещё на Пригородном вокзале столицы, незамедлительно становился объектом слежки для группы людей в штатском, которые передавали его друг другу – «вели», то есть – на протяжении его передвижений средствами общественного городского транспорта.

Их выдавала шаблонная чрезмерность безразличия на лице, краткие пустые взгляды (оперативный инструктаж требо-

вал не выказывать заинтересованности), – все эти совпадения усугублялись абсолютным отсутствием наплывов мыслей «про своё», хотя бы изредка, которых не подделать людям при исполнении. Нет, в задумчивость они не впадали – служба есть служба.

Маститый Борис Тэн и «сочувствующие» идее украинизации Украины, в редакциях республиканских книгоиздательств, кивали с полным пониманием, прицокивали языком, когда гость из провинции делился своими наблюдениями его «свежим оком» трамвайно-троллейбусных реалий столичной жизни...

Но даже им, выдавшим виды, недоставало информированности о всех уловках органов госбезопасности, чтоб выдвинуть хоть мало-мальски логичную гипотезу для объяснения причин подмены его портфеля сотрудниками КГБ, когда он ехал в общем вагоне подземного метро.

Объёмистый портфель коричнево-искусственной кожи с вяло ввалившимися боками. Он ухватил его из-под своего сиденья и сошёл на нужной ему станции. Не сразу даже и заметил, что портфель-то подменён, уж до того похожи.

Ну а когда Дмитро Иваныч осознал, что вес не тот, и открыл проверить, в портфеле оказалась рабочая спецовка, скрученная шохом-мохом. Иди и думай – что подумать. Синяя рабочая спецовка, вернее даже комбинезон. Достаточно несвежий. Специфически чекистское чувство юмора...

...

В целом, жизнь, можно сказать, удалась, если чересчур не вдумываться... И сбросить со счетов досадные моменты вроде тех, когда Антонина Васильна забывает хлеб купить.

Впрочем, тоже полезно для тонуса – Старший преподаватель хотя ещё и ого-го, но далеко уже не мальчик, разминка не помешает...

Антонина Васильна... Как правильно подметил Российский классик, «подруга дней моих суровых...», ну и так далее, по тексту.

Подруга со студенческой скамьи... они женились почти сразу после получения дипломов. Неделю спустя.

Ах, Тонечка – Длинная Коса... самая стройная девушка на курсе... Тонюсенька...

Всю жизнь преподавала в школе мову и литературу, а дома читала Марину Цветаеву, всевозможных годов издания.

– Антонина Васильна, у тебя дома уже целый склад этой Цветаевой, эту-то зачем купила? Они ж дублируют друг друга. Стереотипные.

– Ты ничего не понимаешь, Дмитро...

Как будто есть что понимать, – новое платье старой, но любимой кукле.

Однако борщи готовит неоспоримо Украинские.

С каких же это пор он начал величать её по имени-отчеству? Ну, это ещё дети рядом жили... Да, точно... Сперва в шутку, теперь просто само – и только так, а не иначе – вы-

скакивает. На автомате.

А и на что тут удивляться? — от косы осталась только стрижка волнистых волос, ослепительно белой седины, вокруг лица в сухих морщинах.

Пенсионерка Антонина Васильна знает Марину, Российского поэта, назубок, но всё равно порой ещё полистывает... Причём, из самых давних годов издания.

Но стройность всё так же при ней. Тонюсенька...

...

Вот так, с достоинством и без суеты, с приличествующей Старшему преподавателю Кафедры Английского языка Государственного ордена Трудового Красного Знамени педагогического института имени (нет, придётся всё ж таки перевести дух)...

Да, с размеренной неторопливостью, не углубляясь в медитации на ту или иную из каких-либо особо протяжённых тем, Дмитро Иванович снизошёл до квадратиков керамической плитки пола, на площадке между своим и четвёртым этажами.

Снизу близились притопы поспешливых шагов, явно впопыхах, а вскоре различились и звуки протяжных отсапываний. Через нос...

КПД #2: Звучание Отчаяния

На выходе из подъезда через дверь, распахнутую с невесть каких времён, да так и застрявшую безвозвратно в общем дворе пятиэтажки, – пришлось крепко-накрепко зажмуриться от солнца, висячего как раз над головой.

Каждый глаз жмурился немножечко по-разному: который левый – совсем очень сильно, ну, а правый не уж плотно, и из-за этого её лицо, наверное, всем встречным должно было казаться заносчивым и храбрым.

А может, это только ей казалось, самой про себя, изнутри. Тем более что никакие встречные в их дворе почти что не попадают...

Инна замерла на полминутки, лицом к лицу пышущего жаром солнца середины лета, которое длилось уже без конца и края, но ему всё ещё оставалось столько же до сентября.

По размягчённому жарой асфальту, она перешла поперёк дорожки, в тень напротив подъезда, под рослые деревья вишен, и медленно миновала там дощатый бортик квадратной песочницы.

Внутри, вокруг осевшей горки мелкого песка, ползали коленками мальчиши-малыши, и толкали свои малышовские машинки по россыпи песчаного бездорожья:

– Зззззз! Вввзззз! Би-бип! Уходи с далоги!

– Сам уходи! Дырр! Др-дырр!

Машинки стучают, бодаются, своим жестяным носом во встречный нос; на волосах неуступчивых водителей подрагивают, вспыхивая и угасая, пятнышки солнца, а те ссыпаются в песочницу, тут и там, когда случайный ветерок взъерошит листья на верхушках вишен.

Но наконец, кому-то стало жалко свою машинку, он разворачивается и взывает в объезд песчаного холма, за которым совсем уж карапузы, в одних лишь трусиках и белых панамках с пуговками, старательно загружают свои ведёрки тощими щепотками песка – сколько получится донести в неуклюжем совочке, – и тут же вытряхивают песчаную струйку за борт песочницы, держа пластмассовое ведёрко кверху дном.

Две чьих-то мамы болтают за столом пенсионеров, которые выйдут уже вечером со своими шашками и домино...

А больше никого и нету на весь двор, но не в песочке же игратья третьекласснице.

Ещё через несколько замедленных шагов, не выходя под бельевые верёвки, натянутые к железному столбу, по центру, как будто спицы велосипедного колеса (но только когда они совсем пустые и, как сегодня, на них ни одной стирки), она остановилась потрогать шершаво-плотную кору дерева, потому что дальше опять жарило солнце середины дня из середины лета...

Сегодня папа уже приезжал на обед. Он подогрел борщ на газовой плите, и они пообедали за кухонным столом, потому что мама ещё с утра ушла в институт, на свою работу. А стол

на кухне хоть и маленький, зато как раз на двоих.

Борщ очень вкусный – папа всегда кладёт в тарелку целую ложку сметаны, с горкой. Но просто он иногда сердитый, как вот сегодня.

Поэтому он молчал всё время, пока не крикнул, что, ну, сколько ж уже можно ей болтать ногами, скоро совсем сломает пяткой табурет, всё стучает и стучает! И лучше бы уж допивала свой компот.

Мама его сварила из базарных вишен, а папа налил по чашкам, из белой кастрюли в холодильнике, ещё когда только ставил борщ греться.

Потом Инна на минутку зашла в туалет, а когда вышла, папа уже уехал обратно на работу.

Вот и оставалось только пойти во двор...

...

Стоя возле дерева, она всё так и не снимала руку, положенную на тёмную шершавость. Кора слегка щекотала её ладонку, вверх-вниз, пока не пришла Инга из первого подъезда.

Конечно же, как всегда, вокруг её головы висели длинные края пляжной шляпы из жёлтой соломы. Когда она одна дома, то только так и выходит во двор – в шляпе её мамы.

Но даже солома не спасает её от рыжих веснушек. Тех только прибавляются. Каждый день. Просто рыжий светфор какой-то.

– Приветики.

– Приветтики.

На Инге сарафан почти такой же, как у Инны, но сандалеты белые, а не светло-коричневые. Но за прошедшую половину лета, белая краска уже потресканная вся, а на светло-коричневом трещинок совсем почти что и не видно. Если не слишком уж присматриваться...

На плотно вытоптанную землю под верёвками, приполз неторопливый жук, направляясь к трансформаторной будке.

– Давай убьём! – сказала Инга. – Он каларада, от них вред.

– Нет, каларады зелёные бывают, и в тёмную полосу на спине.

– Ой! Как будто много ты в них понимаешь! Дура!

– Сама дура!

Пыльная сандалета в облезлых пятнах, с когда-то белым ремешочком поперёк подъёма, вскинулась вместе с ногой, чтобы с полного размаха притопнуть по коричневой спине жука-тихохода, где ни одной полоски.

Ещё и повертела сандалетный нос, туда-сюда, а когда отступила в сторону, там вместо жука только какая-то мокрая кашка.

– Ве!

Инна решила вообще с ней не разговаривать и не дружить больше.

А потом Инга стала приставать к мужчине, который случайно проходил через двор, по мягкому асфальту дорожки.

Она ухватила за свой нос пальцами, как будто ей надо

высморгаться или удержать чих, который там защекотался, но на самом деле, чтобы припрятать веснушки ладонью, как бы под маской, и начала свои приставания:

– Дяденька! Вы моего котёночка не видели? Серенький такой!

На самом деле, у Инги и близко нет никакого котёнка, и во всём дворе их тоже нету. Мамаши разных малышей, которых выпускают в песочницу, давно прогнали единственную дворовую кошку.

Мурке пришлось утаскивать котят за шкурки, из бурьяна позади трансформаторной будки, и дальше – через проулок, в соседний огород за забором из старых досок.

Мужчина вежливо развёл руками, и сказал, что не видел, нет, и пошёл дальше по асфальту, к следующей пятиэтажке.

Инга отпустила свой нос, начала хихикать, но Инна с ней всё равно и дальше не разговаривала.

Тут вышел Виталик из второго подъезда:

– Ну чё вы тут?

– Да так ничё, – сказала Инга, поправила свою солому на голове, и заложила ногу за ногу, стоя, а потом вдруг закричала:

– Ой, смотри! опять каларады!

Под верёвками для стирок, ползли два новых жука, и снова к трансформаторной будке. Но они пока ещё не добрались до мокрого места от недавно расквашенного.

– Щас я их! – сказал Виталик.

– И я! И я!

– Не давите жуков! Не давите жуков! – закричала Инна.

Но те подбежали и растоптали безвредную пару, не зелёных и без полосок, ещё и смеялись, как два дурака.

Тогда Инна развернулась и ушла в свой подъезд, мимо песочницы, откуда карапузики вымётывали песок, приговаривая «буу!» ему вслед, а малявки уже перестали взыкать и копали пещеру-гараж для своих машинок в боку песчаной кучи...

Возле своей двери Инна остановилась, чтобы достать ключ, который висел на верёвочке у неё на шее, под сарафанчиком, но услышала, как сверху кто-то спускается бегом, вприпрыжку, да ещё и посвистывает. Поэтому она обернулась посмотреть.

Это был Витя со второго этажа, совсем взрослый девятиклассник.

Он перестал свистеть, и важной походкой прошёл мимо Инны, когда она уступила ему путь, обернувшись спиной к своей двери.

Однако сойдя с площадки на одну ступеньку, девятиклассник вдруг встал, обернулся и сунул руку ей между ног, под сарафанчик. И ущипнул за писю, сколько пускали трусики.

Было не так больно, чтобы заплакать, но всё равно плохо. Инна плотно стиснула губы, приставила указательный палец к своему виску и покрутила, молча и без слов.

Оно само собой так получилось, потому что она уже видала, что если мама так покажет папе, то это его очень злит.

Витя засмеялся, опять засвистел и поскакал вон, в распахнутую дверь подъезда...

...

Остановившись посреди гостиной, Инна решила даже и не подходить к окну, и не смотреть, что там делают те два дурачка, которые только и могут, что жуков калечить и тупо хохотать.

Но и в гостиной делать было нечего, тут одни только стопки праздничных тарелок с высокими фужерами, за стеклом серванта, да толстая кipa центральных газет, на клеёнке стола у окна, и – тишина...

Проведать, что ли, как там кукла Даша в спальне? Инна давно уже её не переодевала в другое платье, а Даше ведь, наверно, хочется.

В метровом коридорчике между гостиной и спальней, её вдруг остановила дверь в кладовку-нишу.

Нет, она ни капельки не была открытой, ни вот на столечко. Но остановила. Как будто позвала, только не голосом, а неслышно как-то...

Инна тихо-тихо взялась за ручку кладовочной двери и резко – как если прыгаешь двумя ногами в лужу – распахнула её всю. А там!

Огромное, – до потолка! – пучит на неё глазищи!..

Инна зажмурилась и завизжала так, что...

...

...да. Да! ДА!!

Это был Тот Самый Визг.

Оглушающе звенящий Визг, что тянется и длится, без малейших модуляций, в окаменело вдруг застывшей вечности вокруг...

Визг, прорезающий, мгновенно, шум оживлённой городской магистрали с движением вдоль всех её полос...

Визг, при котором водители – все, сколько бы их ни ехало – бьют по тормозам, и не решаются поднять взгляд, из своих голов, опущенных, втянутых по плечи, чтоб вдруг не увидеть...

... от которого из губ регулировщика, пронзённых леденящей жутью, роняется уже такой совсем неважный свисток...

Визг, стискивающий сердце безжалостней любых сирен, страшной пикирующего воя...

Визг-оповещение: ОНО тут!

...

Материя неуничтожима. Мы умираем, тело распадается на атомы, те смешиваются с остальной материей мира, чтобы войти в состав следующего новорожденного или стать частью дерева, возможно, камня или ещё чего-то... для следующего круга жизни.

Материю уничтожить невозможно, она просто изменит своё состояние. Был цветущий мир – остался раскалённый

пепел, который всё-таки материален...

Разложи молекулу – получишь атом, расщепи его – останутся ионы-электроны и убегут связываться с другими атомами, в другие молекулы.

Разобьёшь самое ядро, и оно растечётся в кванты – нестись через просторы вселенной.

Как ни мельчи – всё без толку, покуда частицы, покинув узы твоего тела, не сложатся в будущего Лауреата Нобелевской премии, чтобы хоть ему дошло, наконец-то, что кванты – это полноправные вселенные, составленные из своих молекул, атомов и квантов, не поддающихся людской системе мер...

...

Водители застыли, замерли, окаменели – парализованные памятью тех атомов в своём составе, которым уже случалось услышать этот Визг...

... тысячи эпох тому, пребывая в телах предвечных пращуров...

... возможно, не просто слышали, но сами же и визжали этим Визгом – подать сигнал всем остальным, что это уже – всё... что ОНО – тут...

... неумолкающее оповещение, без модуляций...

... а ОНО, чуть медля, облизывает пасть и выбирает, – в которой из этих коллекций атомов, здесь и сейчас начнутся изменения материи?

Последнее, что слышала Инна, был этот её первобытный

Визг, звеняще ровный, на грани ультразвука, затерянный
во тьме её зажмуренных – необратимо, крепко-накрепко –
век...

КПД #3: Прискорбие Недостигания

Соседей опознаёшь на расстоянии одного этажа как минимум, звуки походки по маршу глубоко индивидуальны, их не подделать. А без них не одолеть ступеней, ты же не бес-телесный, хочешь не хочешь – шаркаешь.

Тем более если тащишь наверх свой живой вес в 90 кг, как у соседа из 129-й, на одной площадке с Дмитро Ивановичем. Коричневая дверь в двухкомнатную. Соседство через стенку.

Ну, так ещё бы, никто ж и не спорит! Конечно, две комнаты на одного – довольно-таки, жирновато. Квартирный вопрос у нас десятилетиями на повестке дня. Ни один съезд партии не обходится без него: "Следует признать, что у нас ещё имеется определённое отставание в области жилищного строительства и этот вопрос требует..."

Хотя, кому нужна вся эта говорильня? Мели, Емеля! Тут – что, некому на второй канал переключить?..

Ну, разве что в парикмахерской, очередь же свою не бро-сишь, а телек в углу бубнит, поливает из-под фикуса: прямая трансляция Дворца Съездов, бу-бу-бу, бу-бу-бу... Тогда уже шо ж... Деваться некуда.

Но и опять-таки, следует брать в расчёт и должность жильца в двухкомнатной, его удельный, выражаясь техническими терминами, вес, так сказать, в общественном укладе жизни.

Чем выше пост у члена общества, тем шире подход проявляемый к решению квартирного вопроса ответственного работника-одиночки. Бремя власти – решающий фактор (как ни крути) общей квадратуры жилплощади и унитаза из забургорно-импортного фарфора. Фаянс фабрики имени Калинина, он подойдёт не каждому... ну, не к лицу, как бы... когда перебрал и надо блюнуть... всяко ведь бывает...

А вот и он тебе – явление Христа народу. Сопит на весь подъезд. Захекался до хрипов сиромаха... Ох, и тяжел ты, груз, возложенный чрезмерною диетой на власть предержажшего! Не каждый сдюжит...

Впрочем, соседushка за стенкой ещё тот ковбой – не должность его, а он её объездил и стал Главным. Хоть не исключено, что просто Старшим... Гуманитарию, в конце концов, простительно попутать чины-звания у инженерной братии. Если навскидку.

Зачем далеко ходить? Дмитро Иванычу, например, неизвестно даже в каком цеху конкретно инженерит его сосед по площадке, который через стенку.

На оборонном заводе «Прогресс», их там немало всяких – и цехов, и инженеров. Однако элементарно здравый смысл подсказывает (и в этом он, смысл, не одинок, – разумная сдержанность с ним единогласна) воздерживаться от углублений в производственные темы оборонцев.

При всём при этом принципов добрососедства ещё никто не отменял, и он, Дмитро Иваныч, поддерживает отношения

с ближним... По форме, может быть, и краткие, но всегда бодрые: «Доброго ранку!», «Добридень!», «Вечір добрий!». И всякий раз – улыбка на лице. Весьма доброжелательная.

Ты – ГлавИнж, я – СтарПреп, два нужных обществу члена, каждый в своей сфере применения, однако если что, можем и один другому пригодиться частным порядком, в ракурсе взаимопонимания...

Фр-р-р! Футы-нуты!. Что называется, пронёсся сломя голову, на рысях... Даже и не глянул, ещё чуть-чуть и – смёл бы СтарПрепа своим запыханным галопом...

Длинная пола настезь распахнутого плаща (Made in Hungary) чуть было не хлестнула своим импортным копытом Дмитра Иваныча под коленку. Что и довело его, – чуть было не пострадавшего, – сглотнуть обратно заранее приготовленное «Добрый вечір!», вместе с добрососедски радостной улыбкой.

Угу. Прошёл не поднимая глаз. Ему сейчас не до того... Счастливые не только часов, но даже и соседей в упор не замечают. ГлавИнж уже не здесь, он весь там, – углубился в проектные расчёты спланированной на сегодня романтичности.

Вот уж кому предстоит попыхтеть! Погрузится, по самые... ну скажем, уши... например.

Нет, Дмитро Иваныч не в обиде, он понимает – мужику невыносим напряг застоялости. Снять его – священный долг перед самим собой...

Мужской климакс – та ещё напасть, тут даже ответственным чинам не отвертеться. Потому-то и следит за собой любимым, голову регулярно бреет, чтоб лысина не так в глаза бросалась...

...

Да, у Дмитра Иваныча трёхкомнатная, но так и дети ж были разнополые, ну а как выпорхнули на свои хлеба, не отнимать же квадратные метры обратно, у нас, слава Богу, военный коммунизм уже перелистнулся. Мы (слава Партии родной!) до Социализма с Человеческим Лицом уже дожили, как-никак...

За Витю можно не переживать... Ну случилась там, в пору юности мятежной, пара неприятных эпизодов, но кто без комплекса? Ты Фрейда, вон, полистай-ка для убедительного изложения...

Затем вполне всё сгладилось, когда сын увлёкся спортом по виду стендовой стрельбы, на всесоюзные соревнования ездил. Нынче в Москве уже, в органах служит.

Дмитро Иваныч не стал передавать ему дедовский завет «не вербуйся!», у хлопца своя голова, он поди и сам уже вербует. Может, в начале карьеры и постреливал, по долгу службы, но теперь-то уже чин не позволяет.

Нет, Виктор не делится с отцом подробностями своей нелёгкой службы, а это всё так – кой-что краями просочилось...

Насчёт Зинаиды случай потруднее вышел... Грёбанный су-

ка Фрейд... Но как замуж вышла, всё начеб устаканилось... Хотя и теперь случается – чуть ли не за полночь! – может позвонить и – крути, Антонина Васильна, педали своего дамского аж на Магерки!.. а это, считай, другой конец города, хоть и уездного... Сеанс материнской психотерапии...

Первую – вслед за прихожей – комнату, когда они с супругою остались одни на всю квартиру, Дмитро Иванович отвёл под свой рабочий кабинет. Дизайн суровый, в стиле интерьерера камеры хранения ручной клади на жел.-дор. вокзале: стол-стул приёмщика, стеллаж грубо-оструганных полок, и никаких тебе излишних шторок-рюшечек в голом окне. Да и кому они нужны? Пятый этаж – считай что стратосфера, некому заглядывать, кроме приبلудных НЛО...

Ну так он там как раз и сидел, что-то цюкал на портативной пишмашинке Olivetti, когда Антонина Васильна пришла такая растревоженная вся, пожаловаться.

Она и раньше уже всё хотела сказать, но только думала, а вдруг ошиблась... Но этот сосед за стенкой точно ненормальный. Если в гостиной телевизор выключен, слышно как он воет. По-собачьи. Ей уже страшно с ним на лестнице встречаться. Для маскировки магнитофон открутит на всю громкость и – воет.

Дмитру Ивановичу пришлось выйти в гостиную, прислушаться – твоя правда, Антонина Васильна, воет как пёс на цепи.

Конечно, кому угодно всякая херня полезет в голову...

Оборонный завод, у них там свои эксперименты... Куснёт в подъезде и – водобоязнь. Противостолбнячные уколы...

Но под конец недели этот секрет Полишинеля разоблачился, когда он вечером пошёл мусор выносить, а от четвёртого, ему навстречу короткий караван в составе ГлавИнжа гуськом с довольно сочной дамочкой... И – срослась картинка в элементарно бытовой случай: ведущая вокалистка группы The Stray Bitches пришла на репетицию следующего хита, по месту жительства фаната:

– Добрий вечір!

– Здрасьте...

И – отлегло... А кому нужен шизик за стеной?

...

Вот где зарыта главная болевая точка Дмитрия Ивановича – седина в бороду, бес в ребро...

Хотя бороды он в принципе не держит, а ежеутренне скоблит свои морщины, минус воскресенье. А и вполне даже мужественные морщины, и подбородок волевой, а брови погуще, чем у Брежнева, нашего любимого и дорогого. Чего им ещё надо?

«Им» это про непредсказуемо разнообразных «их», в кого Дмитро Иванович влюбляется по двадцать раз на дню, где попадая и без предупреждения...

О, эти пыточных дел мастерицы!...

Та зайчиком блеснёт, скакнувшим с ляжки молочной белизны, когда она восходит на крыльцо старинной alma

mater...

Другая локоток вдруг вскинет – поправить прядку за ушко, хотя там всё и так в порядке, но зато чётче проступил, покрытый лёгкой тканью блузки, её сосок, торчащий крепко, нагло, блядски – долой гнёт лифчиков!

И – всё, и засопел ноздрями, и бес стучится в рёбра, и...

А дальше что? Ну отдышись, дождись пока уляжется этот... как его... ну да, грёбанный адреналин... вспомни про семейный статус, звание СтарПрепа, под колпаком традиций захолустья...

И это раз двадцать за день, ну минимум пятнадцать. Кроме воскресений, что тоже, между прочим, отнюдь не догма.

И как тут не обзавидуешься на Бузоцкого? Везёт же некоторым! Пристроили мудака кататься в масле.

Проректор по учебной части. Ещё и лекции читает. По самому, из всех что ни на есть, необходимому предмету. Научный Атеизм. У нас же всё только самое научное, начиная с подхода...

– Бежит зайчик, вокруг дождь, гроза, молния – шарах! И поджарила зайчика, а первобытный человек увидал, и вывод делает: есть высшая сила. Отсюда пошла вера в богов... Кстати, ко мне на зачёт, без конспекта моих лекций, можете никто даже и не приходить... Ну а зайчика съел, конечно.

Опаньки! И зайки ушки поджимают, особенно которые поблондинистее. Такой у него вкус. По линии наименьшего сопротивления...

Потом наезженная схема – приватный коллоквиум на двоих, на съёмной квартире в частном секторе.

– Я конспект принесла...

– Да, хорошо, там положи пока. Ты коньячок с лимончиком когда-нибудь пробовала?

– Нет...

– Ну нарежь, пора учиться.

А у самого дочка на втором курсе. Чернокудрая Рахиль, ну в смысле внешности. И, кстати, вспомнилось – дочь Юли тоже на втором. Летит же время... Когда-то жили в одном здании, мы на втором, они – на первом...

Единственный, пожалуй, случай, когда Дмитро Иванович попёр против устоев, заповеданных дедами-прадедами: «Не живи, де ёбеш, не ёби, де живеш».

Но он не виноват, оно само собой всё так сложилось. Просто, по-соседски, заскочил одолжиться у её мужа, за молотком, кажется?

– А хозяин де?

– Только что уехал, на комбинате какое-то ЧП.

Там ЧП, а тут за плотно сдвинутыми шторами – двор, и всё изнемогает, и там, и тут, от жары знойного августа... Мда, Платон мне друг, но...

Но супружеское ложе они не осквернили – обошлись диваном в гостиной...

Под конец, правда, дочка её начала с площадки в дверь стучать. Он в ванной спрятался. Хорошо, что санузел раз-

дельный...

Это ж надо! Уже на втором курсе Филологического! Нет, ну Рахилечке с нею не равняться, ножки у Юлиной дочки стройные, как у мамы когда-то...

«— На празднично украшенную площадь вступает колонна стройных ножек студенток филологических факультетов страны — цель и опора Советского строя!

Поздравляем всех со славной годовщиной Великого Октября! Ура, товарищи!..

— Уря-ААА!.. А! А! А! А!»

Кто-то говорил ему недавно, что у Инны роман с тем раздолбаем со второго курса на Английском факультете? Который уже после армии...

Хм, а ведь какая девушка была. И куда только мама смотрит? Этот же ж вообще совсем пропащий — клейма ставить некуда.

Дмитро Иванычу не занимать опыта жизни, он мигом отличит наивную доверчивость и чистый взор носителя социалистической морали, будущего строителя коммунистического общества, пришедшего в педвуз прямиком со школьной скамьи, который, если даже и заблуждался, то пару раз, не больше, напившись самогона по неопытности лет, до рычажки...

Ничего общего с уклончиво-наглыми зенками прожжённого прохиндея и явного наркуши — а и как будто что другое могла из него сделать Советская армия?

И что только они вообще в нём находят, в этом жеребце патлатом? Вон и Тамара, дивчина из Ични... Ах, какая красавица!...

Дмитро Иваныч опечаленно поцыкал, и повёл взглядом вдоль коричневой полосы бордюра – цвета поносной жижи – что окаймляла илистую зелень окраса стен пониже, так сказать, побелки.

Однако скорбный взгляд его не встретил ни сочувствия, ни понимания. Безучастно равнодушной тишью отвечала лестничная клетка, – эта курва всего уже навидалась...

КПД #4: Проявление Терпения

РЕМАРКА – (франц. Remarque)

1) Замечание автора текста (книги, рукописи, письма), уточняющее или дополняющее какие либо детали.

2) В гравюре – набросок в стороне от основного.
(На вдохе – «ы!», а «ха!» и «хы!» на выдохе;
тональность звуков неважна, хотя «ы!» несколько выше;
всё из перечисленного – хрипло; остальное по-всякому и погромче...

и-И!...

паа-Ехали!...)

– хы! Ха!... Томка, слышь?... ха!... Хы!... я чё спросить... хы!... ха!... хател-та...

– ы!... ы!... ойми!... ы! Ы!... оААау!... Ойма!... ы!...

– Ну ладна... ха!... ха!... я тада... хы!... ха!... потоОм...

– Ааиии!... ы!... Ы!... ЫЫ!!! о... о... м... мм...

КПД #5: Вразумление Неведения

– Сержант Щурин! Доложить о количестве наличного состава!

– 7 бойцов, товарищ лейтенант!

– Аац-тавить! Ты что ж это, Щурин? Под маршала Тимошенко затеял проконать? Офицерскими званиями бросаться удумал? Иль тебе бинокля нада – кубаря в моей петлице посчитать? Доложить как положено!

– 7 бойцов, товарищ комвзвода...

– Аац-тавить! По званию доложи, а не по должности!

– 7 бойцов, товарищ младший лейтенант. Из них 2 раненых.

– Самострелы?

– Никак нет, оба ранены в результате бомбы с бомбардировщика, но ходить могут. Тищенко выше локтя зацепило, бинтом поверх замотали, и уже вроде как не каплет. Байбакова контузило. Не слышит ничего и мычит только. Но как на пальцах ему покажешь чего-нибудь, то головою машет, мол, понял.

– Паанятно... Слушайте бойцы боевую задачу и ситуацию на текущий момент. Всему личному составу подразделения отдыхать и готовиться. Окружены мы уже не первый день, и потому необходимо силы сберечь и восстанавливать. Так как с утра опять идти нам на прорыв из котла. Чего сегодня

дорвать не успели – завтра телами белыми своими дорвём, и в расход выведем железо фашиста проклятого, сколько сил наших будет... А ты, Щурин, особо не дёргайся и бдительность свою расслабь. Майору НКВД, дружбану твоему при штабе дивизии, подобные разговорчики уже до фени. Вон за той рощицей в машине комдива культурно отдыхает, совместно со старшим по званию. Спешить им уже некуда. Мимолётный юнкерс жирную поставил точку в карьере офицеров. Не видал что-ли?

– Так точно!

– «Ух! Так точно бомбу скинул!» или «так точно не видал!»?

– Так точно, видал, товарищ ком... младший лейтенант.

– Молодца! Хвалю за службу, сержант. Рядовой Жилин под моей командой выдвигается вон в ту ложбинку, нести боевое охранение. В 2:30 придёшь сменять, да смотри – без опозданий, раз уж ты со старшины Крынченко котлы отстегнул.

– Так, товарищ младший лейтенант... ему они теперь за чем же?

– На обдумывание данного вопроса имеешь всю предстоящую ночь, до 6:00. А там "гансы" кофий свой попьют, юнкерсы заседлают и опять утюжить припожалуют. К 7:30 у тебя, Щурин, ха-ароший шанс есть со старшиной встретиться и доложить по всей форме: зачем ему часы теперь без надобности.

У Щурина чуть дёрнулась левая кисть, приспособленная в кулак по стойке «смирно». Запястье плотнее вжалось в бедро твёрдой выпуклостью наручных часов, покрытых истрёпанной манжетой рукава гимнастёрки.

Насквозь он что ли видит, сучара этот? Не зря штабной майор особо налегал следить за взводным...

...

Майору же, в полутьме сумерек, переходящих в ночь, всё это уж ничуть (как и отметил младший лейтенант) неинтересно.

Лёжа навзничь – сколько пускала спинка заднего сиденья – он неподвижно задирает своё лицо точь-в-точь, как и комдив, направо от него. Взгляд обоих влип в потолок салона, дырявый, заляпанный мозгами Аграфены, телефонистки-ППЖонки генерала.

Ей, сидящей впереди, ни запрокинуть, ни задрать уж было нечего, выше плечей не оставалось ничего от лярвы, на которую облизывались все штабисты, пока ещё чего-то там хотели... пока ещё живыми были... до этого «котла»...

Водитель утомлённо прилёт лицом на руль, не замечает, что дверь «эмки» сорвана, что левая рука его, уже который час висит снаружи, что гимнастёрка на спине вся в бурых пятнах крови, не разобрать чьей – его?... пассажиров?...

На «гражданке» Вадим Крынченко не сходил с доски почёта Воронежского таксопарка. Свою машину, по имени товарища Молотова, выпущенную с конвейера завода по име-

ни товарища Горького, где её сделали трудящиеся страны Советов по чертежам компании Форд из страны Америки (пока что буржуазной), по договору на 10 лет, он мог по винтику разобрать и собрать заново. Однако это решето, оставшееся после одиночной бомбы с юнкерса на бреющем, даже и ему не восстановить...

Месяц назад, перед началом наступления, он получил приказ явиться в штаб дивизии, где майор из Особого отдела сверлил его колючим взглядом в своём кабинете... Вот так и стал Вадим водителем комдива.

Когда он заскочил в свой взвод за вещмешком, мужики позавидовали на новенькие широкие лычки старшины на его погонах. А чё? Не всю ж войну пешком ходить!

...

Всезнающий сука комвзвод глумливо усмехнулся напряжённой позе Щурина, который глушил тиканье часов, плотно прессуя их себе в левую ляжку.

– Вольно, сержант! Взво-од! Разойдись! Рядовой Жилин – за мной.

Младший лейтенант Романов, без оглядки, уверенно отошёл в темноту изрытого воронками поля.

Он шагал к дороге, вдоль которой покатом – почти что друг на друге – валялись тела военнослужащих, вперемешку с частями своих тел и комьями земли, изрыгнутой ею при разрывах; где громоздились остовы разбомблённых за день танков Т-34, огрызки разнесённых в щепы телег обоза ка-

валерийской дивизии, среди ошметков распотрошённых лошадей и прочей графически, до блёв, отвратной неразберихи, милосердно скрытой мягким сумраком молодой майской ночи, что только что вот опустилась на все 15 кв. километров «Барвенковского котла», который увенчал попытку отбить объединёнными силами 11-ти армий РККА город Харьков, оккупированный Немецко-Фашистскими захватчиками.

Попытка эта унесла жизни 280 000 красноармейцев, а так же 20 000 военнослужащих с Немецкой стороны (в данную цифру включены потери вспомогательных подразделений из Венгров, итальянцев и Румын).

В будущем эту операцию нарекут «Харьковской Мясорубкой». Историки с удивлением отметят невероятную, должно быть, тесноту в этих 15 кв. километрах, где сгрудились более 300 000 Советских солдат и офицеров. Аналитики станут выдвигать возможные причины, загнавшие их в «котёл», – под непрестанные налёты бомбардировочной авиации, не встречавшей отпора ни с земли, ни в воздухе; под артобстрелы дальнобойными орудиями крупного (150 мм) калибра.

Да, не секрет, что там состоялась бойня необстрелянных, свежее-мобилизованных бойцов войсками со стажем, с длинным послужным списком из, практически, сплошных побед на Европейском театре боевых действий.

Призывники-красноармейцы пришли на смену 1 000 000 павших в битве за Москву. Их некогда было обучать тактике боя. Молодняк – не перебежками, а схватившись за руки,

чтобы и павшие не покидали строя, – с криком «ура!», шли на врага прерывистыми цепями разомкнутого хоровода, чтобы полечь под непрерывный грохот Немецких пулемётов.

– Zu viele von ihnen! Das Maschinengewehr hält nicht! O, mein Gott! (Их слишком много! Пулемёт не выдержит! Боже мой!)

Бог услышал. Русские отступили, чтобы пойти в атаку на следующий день, и на следующий, – таков был приказ... Чтобы попасть под ту или иную бомбу из 7 700 тонн израсходованных в ходе операции «Фредерикус», чтобы вступить в разрыв снаряда орудия, бившего из-за горизонта, по наводке корректировщиков на холмах или на самолётах-разведчиках (Советские ассы не препятствовали, их допотопные летательные аппараты на тот момент давно уже посбивали).

Так это было, ни в чём не совпадая с обещаниями песни «Если завтра война, если завтра в поход...»

Не получилось закидать противника шапками, даже со всех 640 000 солдат и офицеров, задействованных в Харьковской операции, включая туда шлемы танкистов 1 200 боевых машин, ну а лошади 7 кавалерийских дивизий не в счёт, животные проходили службу без головных уборов.

— — —

Да, ёрничаю, но это от боли. Была страна и я гордился ею, и счастлив был, что живу в такой великой, героической стране, которая познала много горя (20 миллионов погибших в одной только Великой Отечественной войне). Но почему?

С годами, в образе моей любимой страны начали расплываться прорехи, откуда исходил мерзкий смрад. Всё чаще подкатывал проклятый вопрос: почему?

Почему меня учили восхищаться насильниками мародёрских продотрядов? Любить Павлика Морозова? Гордиться строем, что сжёг Комарова, прикончил Гагарина?

Ложью дыр не залатать, она их только преумножит. Теперь я знаю, что 20 миллионов не погибли от рук захватчиков, что цифра нагло подтасована – в неё приписаны 800 000 умерщвлённых Ленинградским горисполкомом инсценировкой блокады города, где солдат было втрое больше, чем в Немецких и Финских подразделениях на подступах к Северной Столице, и рационы «осаждённого» войска не уступали, а порой превосходили кормёжку нападавших.

Кольцо «блокады» не замкнулось никогда, 70 тыс. лошадей содержались в прилегающих районах ленинградской области (животные не знали о «блокаде», а ветеринары в погонах получали медали за сохранность поголовья), но не могли поделиться своей ежесуточной нормой овса с умирающими. Смертников не выпускали из «блокады».

Высококалорийные копчёности распределялись между «привилегированным» гражданами, что составляли большую половину из 2-с-чем-то-миллионов проживавших в городе (рабочая сила нужных специальностей, работники партактива, и т. п.).

Мне непривычно было осознать, что есть две категории

«блокадников» — загодя обречённые на смерть и те, кому пришлось жить дальше, знать, но не помнить, — это выжившие, чья доля трагичнее судьбы цивилизных Немцев, те знали о лагерях смерти, но не видели их воочию, а тут — улицы усеяны замороженными до весны трупами, а в городскую баню лучше не ходить, там почернелые скелеты трут свои обтянутые кожей кости.

«Дорога Жизни» не подвергалась ни обстрелам, ни бомбёжке, водители грузовиков без потерь доставляли грузы в объёме, определённом решениями руководства.

Братские могилы Пискарёвского Кладбища стучат в моё, на слишком долгий срок обманутое, сердце. И могилы остальных 200 тысяч умерших, уже после прорыва и снятия «блокады», потому что у организма есть особые границы, которые паёк из 50 граммов муки (=125 гр. Хлеба на день, а боьше ничего) переступает безвозвратно. Но к напрочь одураченным, околпаченным, оболваненным сердцам им, зелёным газонам Пискарёвки, не достучаться.

Почему потери Советских войск более, чем в два раза превосходили потери агрессора?

Из-за двойной нагрузки. Советский воин наступал под пулемёты противника, отступал под пулемёты «своего» СМЕРШа. Мне не известна точная цифра, но знаю что наверняка м-и-л-л-и-о-н-ы казнены палачами СМЕРШа, посечены пулемётами заградотрядов... 20 миллионов павших? Так это ж ещё повезло!

С недавних пор, когда вводили обратно моду на георгиевские ленточки Российской империи, стали поговаривать о предателях на уровне генштаба Красной армии. Да херня всё это: не предатели, а дилетанты в генеральских погонах, годные не выше кабинетной чехарды чиновных лизоблюдов, и на их, никем не купленных руках тоже кровь героического народа.

Дыр слишком много и отовсюду слишком тяжкий дух, как и из той, на 15 кв. километрах, где вчерашние мальчишки идут, схватившись за руки, на убой и кричат «ура!»

Анестезия обречённых...

И, покидая трибуну, с которой только что брызгал ядом гнусной, вражеской клеветы на всё, что дорого нам всем и свято до мозга костей, я прихожу в себя, отбрасываю транспаросности, стряхиваю с ног котурны исступлённого оратора-в-пустоту, и хочу, чисто для протокола и честной бухгалтерии, отметить, что, да, до 30 000 военнослужащих Красной Армии всё же вырвались из теснотищи тех 15 кв. км, с отрезком грунтовой дороги между Фёдоровкой и Крутояркой. Им удалось-таки прорваться, на отдельных участках, там, где машины Германских пулемётов устали стучать – их и впрямь заклинило от столь безбожных перегрузок, а 75 000 полегли (из поминавшихся уже 280 000 трупов РККА с петлицами различных родов войск на гимнастёрках цвета хаки).

...

– С приездом, Иван, занимай боевой пост.

Комвзвода растянулся на мягкой майской мураве по сло-ну маленькой ложбинки. Порывистый ночной ветерок, пони-мающий и милосердный, веял не со стороны дороги с вися-щим над ней тошнотворным духом двудневной трупизны...

Луна, что уже переросла за четверть к полнолунию, ча-сто застилась чернотой облаков, ползших безмолвно, по-пластунски, в небе... На запад.

Иван присел рядом, сторожко вглядываясь в окружающую ночь.

– Расслабься, тёзка, сегодня «гансы» в разведку не пойдут, и боевое охранение не снимут, чтобы атаковать среди ночи. «Язык» им тоже без надобности, мы для них так и так – на ладони. Ты кино «Чапаев» сколько раз смотрел?

– Три... а може четыре.

– Оно и видно. А сколько ты, Иван, за всю свою молодую жизнь баб переебал?

– Ну...– вполне обыденный вопрос заставил парня за-мяться: офицер же ж рядом...

– Ну, баранки гну, – передразнил его младший лейтенант.
– Вот и я, Иван, – мало.

Комвзвода приподнялся на локте, и вдруг перешёл на жёсткие тона:

– А теперь скажи-ка мне, красноармеец Жилин, веще-шок твой ыгде?

– Ну так... товарищ младший лейтенант... ну мы как в атаку, а потом от пулемётов побёгли, а по нас артобстрел...

а следом юнкерсы бомбить...

– Понятно с вами, красноармеец. Выходит – нету вещмешка, положенного, по уставу, быть неотлучно при бойце Рабоче-крестьянский Красной Армии, которая она же РККА.

– Ну ага... выходит... – с удручённой честностью, опустил голову Иван.

– Аац-тавить «ага»! И выходит НЗ: с пайком неприкасаемым, тоже потерял, пока туда-сюда драпал?

– Ага... Так точно, – кратко глянув туда, где угадывалось движение руки комвзвода, что назидательно похлопывала в темноте свой, командирский, по-уставному сохранённый вещмешок, Иван вздохнул виновато и огорчённо.

– А и ещё, вот что ты мне скажи, крестьянский боец Красной Армии: отчего это в РККА повсеместным погонялом для комвзводов стало «ванька», а? Не знаешь? Врёшь! Отлично всё тебе известно, что сроком жизни комвзводу отмерян один календарный месяц. Каковое решение статистикой утверждено, на пленарном заседании её статистических светил. Поскольку за промежуток в 30 дней никак не успевает человек до полного имени дорасти. Такие вот дела, тёзка.

– Так мужики говорили, вы – Николай.

– Ты мужиков-то слушай, они много чего знают, но не всё. После наступления с-под Москвы, я уже вон насколько месяцев, как эту детскую кликуху пережил. И стал я теперича полноправный «Иван» и тебе, Ваня, тёзка. Хули толку, что

по паспорту Николай Александрович? В полковники уж всё равно не выйти, так взводным и отойду, но не «ванькой». Тут мы с тобою, Иван, тёзками останемся... как по батюшке?

– Александрович.

– Ну ты ж ёж твою перевернёшь! И тут совпали! А кой тебе годик, парниша Иван?

– Ну, это, 19, в августе.

– А вот тут-то ты и соврал, Иван: день рождения твой завтра случится. Запомни, и во всю оставшуюся жизнь отмечай чётко – 27-го мая.

– Ну вы скажите.

– Скажу, а и не только скажу, но и выпью. Где же кружка? Хотя чё эт я красноармейца спрашиваю, устав РККА не блюдущего?

Взводный послабил петлю лямок своего вещмешка, раскрыл и пошарил в нём.

Рука вернулась с алюминиевым отсветом кружки, за которой последовала булькнувшая звуком жидкости фляга, совсем тёмная. Ночь сгустилась вокруг, но предметы в ней различались какой-то неясной призрачностью своих объёмов.

Комвзвода поднял кружку повыше и, обернувшись к ней ухом, сосредоточенно отсчитывал «гульк! гульк!» исходявшие через горлышко походного сосуда. На каком-то из гульков, он прекратил переливание и протянул, сколько влилось, соседу на траве.

– Давай. Иван.

– Ну так...

– А ты старшим не перечь, Иван, не перечь. Я ж не только по званию, я и годами повыше. 21 мне завтра с утра стукнет.

По тому, насколько горячо и крепко язык слипся со всех остальным, что есть во рту и в жевательных мышцах, Иван угадал, что жидкость – чистый спирт. Хотел было поперхнуться, но палящий огонь охватил гортань, отмечая ненужности.

– Ну могёшь, – сказал Николай-Иван Александрович, заяснев улыбнутой фиксой белого булата, – ты закушуй, Ваня, закушуй. – Он шелестнул пакетом НЗ: вложить ржаной сухарь в ладонь собеседника.

Иван хрустко отгрызнул и стал выжидать, покуда в обожжённый рот стекётся сколько-нить слюны, чтобы размякло. Сквозь слёзы в поднятых кверху глазах, он увидел как половинная луна прорвалась из-за облака.

Комвзвода, без подсчётов, вывернул в кружку всё, что оставалось. Заглянул сверху:

– Глаз – алмаз! В дополнение к абсолютному слуху! О, боги! Какой артист пропадает! – И выпил залпом.

Спирт успел уже развязать язык Ивана:

– Щурин говорил, у вас родители «бывшие»...

– А ты Щурина меньше слушай – родителей бывших не бывает, их ни выбрать нельзя, ни избавиться, тут даже 58-я не в помощь.

– Мужики говорят, при Щурине говорить нельзя.

– А ты, Иван, мужиков слушай, они навуходоносоров нутром чуют. Ну это на потом, а теперь давай отбой делать.

– Щурин придёт сменять же.

– Не бойсь, не придёт, знает, что утром, под трибунал его отдавать некому. Спи давай, Иван, у нас на завтра децимация наоборот назначена.

– А эт как бы чё, а?

– Децимация – это когда из каждых десятерых, одного – в расход, а децимация наоборот – эт когда я уж не знаю, как и сказать по-людски...

...

Утром Ивана разбудил грохот артобстрела. Похмелья – ни на грамм. Он вскочил, и долговязо побежал вслед за Романовым.

Что потом было, что шло за чем, он не знает – аж до самого вечера, когда уже сидел на земле, в толпе военнопленных, без винтовки и без своей пилотки, которую тоже потерял в ходе дня.

От ихнего полка остались только он и Щурин, но тот не потерял пилотку, хоть и был ранен – осколок срезал ремешок часов, котлы Крынченко, на левой кисти, до крови, но кость и сухожилия не повредил. Ещё с утра. В 7:30.

А комвзвода не убило, он – вознёсся, когда схлынула волна хенкелей, которые проутюжили вдоль переднего края без разбору, сверху не получается распознать вчерашних покойников от тех, кто пока что живы.

В небе затихало гудение ушедших за грузом следующей ходки, и – комзвод встал. Во весь рост. Вскинул над своей головой в пилотке наган на ремешке, и скомандовал всему полку, где из офицеров остался только он:

– Вперёд!

Он не крикнул «За Родину!», не крикнул «За Сталина!», он крикнул «Вперёд!» и – вознёсся высоким взрывом 150-миллиметрового, а в опавших затем комьях земли от него не было ни клочка. Ни от него, ни от нагана. Значит – вознёсся.

Ивана осыпало теми комьями, и он вскочил, и побежал вперёд, налегке, без вещмешка, с одной только винтовкой...

Ивана нигде никак не зацепило, но с виду, – он хуже всех в этой толпе сидящих, стонущих вокруг. Челюсть его отвешена, и взгляд остановлен, а нижние веки не выдержали этот застылый, словно навеки, взгляд и – опали...

... ах, Ваня, что ты натворил сегодня?... не знаю... где ж ты пропадал весь день-то?... не знаю...

...

Вот так же, без пилотки, пройдёт он через пару дней, в колонне из 240 000 военнопленных, через неосвобождённый Харьков. Выпавший, при их вступлении в город, мелкий снежок вскоре растаял, а тысячи всё шли и шли.

На тротуарах изредка попадались старушки с поджатыми губами, в уже было спрятанных на лето пальто. В одном месте, кинооператор в кожаном плаще жмурил глаз, приклонившись к треноге.

Конвоиров не было. Никто из пленников не попытался рвануть в побег. Шли вслед за мотоциклом с коляской в голове колонны. Куда?

Так и шли, одинаково всколыхивая одинаково обтрёпанные подола своих гимнастёрок, у многих – расстёгнуты на груди, нарушая требования устава. Без поясных ремней с бляхами пряжек, которые приказано было побросать на кучи ещё два дня назад...

Ты легко опознаешь Ивана, среди той плотной толпы на снимках в Интернете, по его коротко обритой голове без пилотки, и по тому, как угрюмо отвернул он свой взгляд от камеры.

Впрочем, пилотки там не слишком-то у всех, в отличие от хмурых черепов и наголо обритых взглядов, хотя, то есть, наоборот, наверное...

КПД #6: Постигжение Живописания

Узость койки вынудила пару взмокших тел сплющено влипать друг в друга, поверх простыни с матрасом, отделяющих их вялую инертность от пружинно-зыбкой сетки, замершей в полной неподвижности, не шелохнётся даже, если сравнить её текущее состояние с недавним поведением, когда, дуряя от своего бряк-скрип-стук-треска, она металась как оголтелая вакханка, переполняла им всю комнату (типовой проект «пенал в 2 проёма (дверь + окно)», 4,6 м x 2.5 м) на третьем этаже студенческой общаги (проектная ёмкость помещения: 4 души).

Область тесного соприкосновения двух кожных покровов – голых до откровенного нудизма – в обильной испарине (скользкой и, предположительно, обоюдно взаимной), препятствующей началу процесса постепенного формирования бесконечно тонкой корочки подсохшего пота, которая уже обволакивает, постепенно, наготу прочих, несоприкоснутых областей.

Койка (¼ всех инвентарных предметов данного наименования в окружающем пространстве) не слишком-то придвинута к стене, а решётка головной боковины (чьи крюки сидят не слишком плотно в раздолбанных пазах сочленения

с уголком сетки покрытой матрасом) накренилась, совпадая с углом наклона Пизанской Башни, до полной параллельности, если бы та случайно стояла под окном.

Его плечо вытарчивает (пожалуй даже несколько далеко-вато) за боковой край сетки, упруго прогибающейся под общим грузом пары тел и одного матраса, с прослойкой (между им и ими) из мелкой ряби, утрамбованной до состояния плотных складок в ткани измятой простыни.

Испытывая дискомфорт в плече, лишённом всяческой опоры, он всё же терпит, как истый джентльмен, не пря на даму, и не тесня ни йотой больше, чем необходимо во избежание падения на линоль «пенала», если его центр тяжести случайно высунется чересчур. Придётся рухнуть, ненароком, хоть и не с башни, но тоже неохота.

Левее койки, на низкой тумбочке под подоконником длинного окна, настольная лампа вздёрнула (до хруста в своей никелированной шее) жестяную пиалу рефлектора, и льёт слепящий поток света (как все те лампы, нацеленные, с изуверски инквизиторским палачеством, со стола следователя, – в глаза лицу под подозрением, чтобы оно раскаялось и раскололось, и подписало бы протокол с признанием... Колись, сука, не то хуже будет!)

Свет бьёт во вскинутую ладонь его руки, согнутой в локте, чтобы заякориться в матрас, – где-то промежду их сдвинуто-слипшейся пары тел.

Тень раскрытой ладони (обращённой, словно зеркальце, к

его, чуть приподнятому подушкой, лицу) чётким контуром очертилась на плоскости стенных обоев.

Засаленные, старые, бумажные, не только не «моющие-ся», но и несменяемые. Годами. Уже который президентский срок...

Светоносный предмет интерьера – эпохальное открытие физматовцев (с четвёртого этажа). Охренеть, как стимулирует. Пока что, кстати, не запатентовано.

Помимо вымогательства взять на себя преступное деяние, подобная подсветка подгонит вам пару подельников, теневых, и те, в разнуздано бесовской свистопляске театра теней (активных, но немых, тут и своего саунд трека – за глаза!) неудержимо скачут по обоям.

Рысь, ускоряясь, сменяется галопом!...

Назначение оживлённо мятущихся контурных вздрагивов – древнее некуда, как и у всех тех зеркал на потолке в спальнях Древнего Рима: вдохновить, простимулировать, подстегнуть.

Однако же при всем респекте к древним (заслужили! ещё когда аж, а уже знали толк!), античный ракурс в глубоком подсосе – не тянет он, блин, ни в манду, ни в Красну Армию. Если проводить сравнение. Размазали их физматовцы. По полной.

Хотя по совести, следует признать, что и в абстракто-аниме общаги не без досадных глюков и, в основном, опять-таки

хромает ракурс, понуждая к верчению головой типа болельщика на чемпионате по пинг-понгу, за шариком... взгляд, на всём скаку, с её спины или титек, или что уж там в полном раже на форсаже: туда-сюда, к обоям – вспять, она – стена... Чересполосица, в общем...

Снижает монотонность акта? Тут, бесспорно – да. Но вместе с тем и напрягает. Шею. Когда крутишь...

Вот если б, скажем, сбоку снять на плёнку... Ну допустим... Хотя нет – тут уже катит плоская порнуха, а не досуг сибарита... Типа тупо смотришь клип, одна рука трудолюбиво дробит, второй грызёшь попкорн или, там, семечки, но только не чипсы – от них брюхо растёт, ну их нах...

...

С усталым вздохом, он отбросил эту мысль, что, кстати, характерно для него.

По своей натуре, он – естествоиспытатель: пытливый, обстоятельный, но до сих пор не создал ни одной работающей модели для воплощения своих гипотез, идей, предположений...

Всё как-то проходит, минует, канет в Лету (нет, здесь нужно продлённо-настоящее время... «канует»?... «угребают на каное»?... хотя кого это, собственно, гребёт, скажи на милость?)

Поэтому он снова переключил внимание с настенно-теневого абриса на саму ладонь, в натуральном виде.

Всё верно, хироманты настаивают на обзоре левой – не

так расплющена трудом, мозолей меньше и вообще...

Хотя, когда ты молотобоец или регулярно вкалываешь ломом, какая разница: солома или сено?

Об чём сталбыть? А! Хиромантия... Ну вот они, Венеркины бугры... линия жизни, длиннющая зараза, хоть об лёд бей... или она про здоровье? (он всегда их путает)... тут этот, как его? – Croix Mystique... постой-ка! а линия ума где? должно на перекур свалила... когда не думаешь, зачем ей напругаться?... залог успешных достижений в разделении труда...

И тут он вспомнил:

– Слышь, Томк? Я вспомнил!

– Ммм... ну чё ты ещё вспомнил?

– Вспомнил, чё спросить хотел: сегодня какое? Двенадцатое?

Она чуть шевельнулась, чтобы очнуться из истомы:

– Ну...

– А завтра, выходит, пятница?

– Ну...

– Гра-аздец!..

– Кому?

– Кому-кому! Рыцарям тамплиерам, блин... со мною вместе!

– Чё ты мелешь?

– Тринадцатого в пятницу, зачёт у Граздецкого по Научной Типологии.

– А чё так рано? До сессии полмесяца почти.

– Я знаю? Едет он куда-то. Всё – градец. Шатнись по этажу, може у кого учебник есть, хотя бы цвет обложки посмотреть. Он, зараза, такой придира...

– Оно те нада?... Врёшь ты всё, свалить намылился, а у меня, кстати, сегодня комната свободна, сожительницы за «торбами» разъехались...

– Не, говорю ж – градец.

Он начал продеваться в трусы, затем (с прискоком) в джинсы и в носки с туфлям. Натянул майку и свитерок.

– Да всё ты врёшь, мудила.

– Вот только дяде хамить не надо, да?...

– Вали уже, мудядя.

– Так – другое дело.

Он двинул к выходу, в который раз чистосердечно восхищаясь безошибочным выбором места для «пенальной» экспозиции.

Вся выставка состоит из единственного карандашного рисунка на крупноформатном (60 см x 80 см) листе ватмана, припиленного на внутреннюю поверхность двери.

Ню, разумеется. Просто рисунок, простым карандашом, но в стиле пронзительного реализма, а не какие-то там безответственные каракули Пикассо. Есть на что глянуть и – восхититься.

Женщина Бальзаковского возраста, с высокомерным снисхождением, демонстрирует реально зрелые формы и об-

щую утомлённость прискучившей опупелостью раззяв, с отвисшей, у всех до одного, челюстью в слюнях.

Томка говорит, это подарок ей от студента киевской академии художеств или типа того.

А модели нынче недёшевы, тем более готовые сбросить антураж до последней нитки. Будущие Микели Анджелы из академической богемы сбрасываются – оплатить её сидячие демонстрации. Чей взнос больше – первым выбирает откуда ставить свой мольберт, и – по нисходящей... жмотам и неимущим достаются лопатки с ягодицами для тренировки рисовальных навыков. Сурово, но справедливо.

Да, но с чего это Томке обломился такой дорогой презент? Видно же, что рисовано из первого ряда. Или тоже подрабатывала там натурщицей? У будущего Врубеля не наскреблось башлей за её юную красу, и вынужден был расплатиться одной из ранних своих работ, когда тренировался на рухляди? Натурой за натуру, так сказать. Бартерный обмен или какой там терм у Научной Экономики?

Но вопрос не в хронической нищете начинающих художников, а в Томке – ведь это ж надо до чего без промаха избрала место, куда шедевр пришпилить!

Допустим, вот уже всё, двинул на выход из «пенала» и тут – лицом к лицу и к прочему всему, что из Бальзака запросто верёвки вило... Ой-йо, влип...

Хочешь не хочешь, а и таки оглянешься, из чистой ассоциативности, на прощанье. Ага.

Оглянулся, а там – Томка, у подоконника, халат расстёгнут, и половина, небрежно так, отброшена за бедро, в которое рука, победоносно, подбоченилась.

Безукоризненно художественное чутьё на тему композиции, где эта голая половина тела – вниз от плеча, взмыв и спуск по титьке, затем живот со впадинкой пупка, курчавый чубчик на трамплинном бугорке лобка, и дальше, ниже, по округлой ляжке, поверх колена ноги, в слегка балетном выверте – невыносимо долго длилась аж до пола...

Причём, показана всего лишь половина. Ведь в чём отличие чистого искусства от порнухи, так это – утаённость. Какую-то малость нужно сокровенной удержать, непременно, что и усилит притягательность очарования.

В женщине обязана присутствовать загадка, хотя б на малый завиток, на прядку из трёх волосин, но должна, иначе просто скатываемся в будничный перепихон.

Да, проверялось на житейском опыте – дошёл до двери, назад глянул, по неосторожности, и – попёр обратно...

Всё по канонам ёп-охальной жемчужины народного фольклора про двор, кол и мочало: пришёл к двери с махой-похуисткой в сидяче-наглой позе – оглянулся, а как оглянулся – захотел опять, захотел опять – кол торчком, и – в то же мочало, не начать ли сказочку сначала?. дошёл—оглянулся—захотел—торчком—не начать ли... Закольцованный цикл – безвылазно...

Поэтому, из одиссейской хитроумности, он иногда скром-

но потуплял взор перед творением шедевральных вздрогов, казалось бы простого, но вдохновенного карандаша и, в результате, вызывающие позы Томки за его спиной просто не срабатывали. Ха!

Однако Граздец – падла ещё та, Матвей с четвёртого курса предупреждал. Да ещё зловеще так совпало: число и день недели. Нет, при таком раскладе сегодня лучше «бон свар, мадам!» и – прямо в коридор...

...

Так, приближаясь к двери, он печалился, попутно (и не в первый раз) о горькой судьбине братанов-тамплиеров – самый загадочный средневековый орден рыцарей, во все дремуче-тёмные века.

13-го, в пятницу, их всем гамбузом арестовали, пытали, заставили оговорить самих себя, и жгли за это на кострах, без малейшей презумпции. Кто выжил – ушли в подполье, стали масонами, и теперь заведуют всемирной банковской системой...

Выныривая из мрака средневековья к яркому свету лампы паскуд-следоватей из-под окна, он уж было протянул руку к двери, но какое-то двадцать шестое чувство заставило его вдруг обернуться – и отбить метнутый ему вслед томагавк (в виде подушки с наволочкой). Тот приземлился на пустую койку пенало-сожительницы справа.

Томка стояла возле подоконника, вся как есть, без утайки. Голяком, однако с пониманием азов художественной эс-

теттики; она стояла, сунув ноги в тапки – одна ступня упря-
тана-таки, для сокровенности, другая для создания загадки.

– Смотри, – сказала Томка с многообещающей угрозой, –
пожалеешь...

– Да ладна, ну чё ты так уже, в натуре... Выйду, хотя бы
тамплиеров предупрежу...

КПД #7 Горевание Прощания

Колкий блеск солнца в морозных узорах белесой наледи по стеклу окошка делал холод в хате ещё пронзительней и крепче, аж так прям и тиснет. Зажмурившись поплотнее, Юля крутнулась под косматой овчиной старого кожуха – остался от отца ещё – лицом к стене, уплыть обратно в сон, покуда мать не кличет подниматься.

Тогда уж Юля скинет кожух в сторону, опустит ноги с кровати на головки обрезанных по щиколотку валенок, чтобы согнуться, сидя, аж до своих коленок и вытащить из них, из валенок под пятками, носки, которые сама связала.

Конечно же, она всё это делает не думая: как, что за чем – нет, оно само так делается, само по себе. Ведь же никто не думает, как и что за чем, когда дышит, это же просто жизнь...

Как всегда, в своей утренней жизни, она натянет вязанные носки, обуется и, по твёрдой глине земляного пола хаты, пойдёт к рукомойнику под зеркальцем на стене, умыться студёной водой и расчесать свою русую стрижку, как у той весёлой комсомолки в довоенной кинокартине.

А дальше уж покатит каждодневный круг хлопот по хозяйству и хатних дел – затопить печку, кочергой повытаскивать плоские кольца в её верхе, чтоб туда зашло дно чёрного чугунка, опускаясь пониже, до красно-жёлтых всплесков пламени в топке и – как уже согреется вода для телушки –

ухватом вытащить его на край.

Большее из колец задвинуть обратно, а уменьшённый круг разгулявшегося в печи огня покрыть почернелым от сажи низом чайника. Начистить бурак и картошку для готовки обеда, позавтракать с матерью, подмести хату, пойти с ведрами по воду до колодезя, занести со двора вчерашнюю, морозом досушенную стирку, неподатливо твёрдую, аж стоит, как те большие листы картона с правилами и примерами, что вешали на классную доску в школе.

Но в хате оно обмякнет, и будет как раз для глажки тяжёлым утюгом, в который надо засыпать живые угольки из печи, что мреют в ней после утренней протопки той парой измельчённых полешек; покуда мать выгребает навоз у телушки и тюкает в сарае топором дрова: на весь этот день и на завтрашнее утро...

Стирали они вчера, вдвоём, у ночвах возле проруби на речке. Сперва натирали золой, вместо довоенного мыла, но когда прополощешь раза два, хорошенько, то оно уж и чистое, только руки мёрзнут как палки, и надо навпеременку — одна стирает, другая держит себя за плечи, под телогрейкой, чтоб руки отошли.

А после обеда Юля достанет полотно, иголку и продолжит вышиванку начатого рушника...

...

Но этот день не вышел таким же, как все дни. В дверь хаты кто-то стал колотить, загрокал, ну прям как скаженный, и

дядька Митяй – а то кто ж ещё ото так бы мог добиваться, пьянющий с утра до ночи – загукал дурным голосом:

– Хазяйвы! Эй! Хазяйвы!

Мать пошла в калидорчик глянуть – шо тому надо, и гребешок, пока Юля встревоженно вслушивалась от зеркальца над рукомойником, так и замер в её неподвижной руке.

Мать скоро вернулась, сдвинувши брови над растерянным лицом, и наказала Юле переодеться у хорошее, а на испуганные вопросы дочери отвечала лишь: «Та скорей же ж, скорей!»

Она собрала оставшиеся с вечера пару варёных картошек, необлупленных, две головки лука, отсыпала соли в пакетик, который склала из странички школьного учебника Юли. Завернула в тряпицу последнюю скибку сала, что была в хате.

Всё это, мать со стола переложила в холщовый мешочек, и туда же добавила один целый хлеб.

Потом она обхватила плечи Юли, поверх пальто и платка на волосах дочери, и – зарыдала:

– Божечки! Божечки!

Юля – хотя вовсе не знала зачем – тоже зашлась плачем, тем самым, что приходит сам собой, из времён необозримо давних: девичий плач, которым так разноголосно, но одинаково стонали в этих краях ещё до скифов, обров, половцев и печенегов, до княжых дружин, до Золотой Орды:

– Мамонька! Родная!

Дядька Митяй ввалился из калидорчика:

– Шо ты рюмсаешь? – Заорал он Юле. – У город едешь, дура!

...

Возле ворот, что завалились ещё с осени, на облитом солнцем снегу темнели приземистые рбзвальни. Мухортый, мерин дядьки Митяя, косил глазом из-под заиндевелых ресниц, вздыхал и сфыркивал в оглоблях.

Иней выбелил редкие волосины под губой лошадиной морды, и слипся в длинные белые перья, сбегавшие вниз до его брюха и по ногам.

В санях сидел Тимоха, довоенный одноклассник Юли, тоже в хорошем пальто, что покрывало коленки его подтянутых до подбородка ног.

Рядом с ним, в чёрном ватнике, сын дядьки Митяя, Юрко, неподвижно глядел назад – вдоль борозд, продавленных полозьями в снегу, по обе стороны вмятин от копыт Мухортото.

Сугробы вокруг следа белели ярче, чем светлая повязка на чёрном рукаве Юрка, окольцованном плотным тыном готического шрифта.

Карабин, уложенный вдоль кузова саней, делил его на двое.

Юля села спиной к оружию, лицом к матери, что стояла хватаясь за косую жердь столбика без ворот. Собранные в другую руку углы головного платка, стянутого в слабый узел под подбородком, она прижимала ко рту.

Голова её покачивалась над плечами ватника, слёзы сбегали в застиранный ситец, из покрытых им губ пробивались стонущие рыдания, но она уже никого не звала.

Дядька Митяй разобрал вожжи и бухнулся в кузов:

– Ння! Пшол!

Мухортый налёг и зашагал...

...

До войны жить было так же голодно, но хорошо. И мыло было до войны. Иногда.

До войны Юля любила Юрка, хотя он старшеклассник. Любила даже больше, чем Любовь Орлова своего хлопца в кинокартине «Волга-Волга».

Но никому про то не говорила, потому что Юрко уже любил Ганю из своего класса.

Он был такой высокий, красивый на лицо, а очи синие, как чистое небо, под чёрными кудрями.

А кроме комсомольского, у него на курточке было много разных значков, рядочком. Там и тот, где самолёт сверху, над звездой и ружьями, и даже один с парашютом, потому что Юрко собирался поступать в бронетанковое училище. А когда они со школой ездили в город, он прыгнул в парке с парашютной вышки. Не боялся совсем.

До войны хорошо было, хотя иногда тоже страшно. Когда из города приехала машина с чекистами НКВД, – забирать председателя сельсовета.

Да страшно, но хотя бы понятно было, потому что потом,

когда его увезли, директор школы построил всех учеников их села и рассказал, что председатель Михальчук, ещё аж в Гражданскую войну, которая совсем давно была, до рождения Юли, когда служил в Конной Армии товарища Будённого, завербовался в разведку имперлизма и стал им тоже служить, как подлый враг народа...

А ещё через день, во время урока истории, директор зашёл в Юлин класс и сказал всем открыть учебники на странице с маршалом Тухачевским, взять ручки и закалякать его портрет чернилами, потому что он тоже агент и враг.

И опять стало страшно, хотя уже и понятно, а всё равно... Но потом перья ручек, одно за другим, зацокали в донышки чернильниц...

Однако председатель Михальчук не последним врагом в их селе оказался, и через месяц опять приезжала машина из города, и забрала Петра Ивановича, директора школы, тоже.

Тогда директором стала молодая учительница начальных классов, Софья Онисимовна.

Она не говорила кого-нибудь калякать, а только сказала всю историю вынести во двор, потому что слишком уж много врагов развелось.

Опять стало страшно. Понятно, но страшно.

Там сложили костёр, не такой высокий, как на Ивана Купала, и через него никто не прыгал, потому что же день во-круг.

Софье Онисимовне дым зашёл в глаза, она тёрла их плат-

ком и говорила, что это ничего, и что в будущий год привезут новые учебники истории.

Но в будущий год уже была война и сделала всё совсем непонятным и страшным...

...

Наши так быстро отступили, что Юрка не успели забрать в бронетанковое училище.

А Немцы в село даже и не зашли, они проехали мимо – в город.

В лесу остались прятаться наши, двое с ружьями, а у одного автомат. Они вовремя отступить не успели, и начали жить там как партизаны.

Юля слышала в разговорах женщин, что они втроём даже землянку партизанскую выкопали, для житья в лесу, только никто не знает где.

Партизаны голодные были, ходили по сёлам и просили соль, муку. У тётки Мотри один раз они выпросили подсвинка, за наручные часы. Зачем ей часы? Но взяла, и подсвинка дала – она добрая...

Но в другой раз тётка Мотря была не дома, и они втащили Ганю в сарай, а там насильничали. Втроём.

Юрко на дальнем поле картошку копал, а когда вечером прибежал в хату Гани, та сидела, как неживая. Мать её накричала на Юрка, из хаты выгнала.

Он наутро своего Джульбарса взял, с чёрной мордой, которого завёл, когда хотел пограничником Карацупой стать,

ещё до бронетанкового, и – в лес ушёл.

Вернулся через два дня, с автоматом и с мешком. Джульбарса возле хаты привязал, и пошёл Ганю проводить. Она как раз во дворе сидела.

Он когда из мешка три головы высыпал, Ганя страшно закричала, упала на землю, а и плачет всё, плачет.

А Юрко над ней встал, спрашивает: «Эти?»

А она ж только плачет, лицо в землю жмёт.

Наклонился он, за волосы от земли оторвал: «Эти?»

Она глянула, и покивала, молча. Та и больше уже не плакала.

Он те головы у мешок, как вилки капусты, поскладывал, на плечо закинул и – ушёл со двора.

А Ганя в ту ночь в том сарае повесилась...

...

Очень страшно с тех пор Юле, и совсем ничего не понятно. Теперь нет уже наших, нет ваших, и кто угодно насильничать может в сарае, который Юрко потом спалил. Молча.

Такого любить не получается, кто так тяжело, так страшно молчит. Постоянно.

Его все боятся, даже Немцы, что приезжали выдать ему белую повязку Schutzmann, потому что не понять же, что у человека в голове, если молчит всё время.

И чёрных кудрей на голове не осталось, а только короткие волосы, совсем белые от седины. Лицом чёрный стал, будто пламенем опалился или копоть въелась от сарая сожжённо-

го. Молча.

Он даже с отцом не говорит, которого Немцы из-за него старостой села назначили.

Вот с тех пор дядька Митяй и запил. Беспробудно.

– Ння! Пшол, Мухортый! Мать твою!...

КПД #8: Переживание Разочарования

Если б у китов получалось дотянуться ластой до ласты, они бы тоже стали венцом природы, потому что скелет их ласты не сразу-то и отличишь от кисти человека, до того поразительно они совпадают – просто один к одному – по своему строению... то есть, если в размеры не вникать.

Однако же никак не достают, по причине удалённого расположения одной ласты от второй, в общем сложении остального скелета.

Поэтому киты лишены природных предпосылок, чтобы развить в себе способность забивать косяк. Не дотягиваются заразы, ни правая до левой, ни наоборот.

И это привело к тому, что несмотря на изумительную подходящесть структуры в лапе, киты всю жизнь вынуждены тащиться на одном только планктоне.

Что, кстати, жаль, а то бы могли стать человеку братьями по разуму, тем более с учётом размеров косяка забитого китовой ластой... если бы...

Ласково, полным заботливой доброжелательности взглядом, он обвёл аккуратный холмик зеленовато-бурой смеси дряни с папиросным табаком, по центру левой ладони, к юго-востоку от бугров Венеры, и приступил к процессу забива-

ния – сноровисто, но и с бережением...

... как там в той песне? «...и когда летал Экзюпери...», который, кстати, Сэнт-, но приставочку-то отчихнули, чтоб не кичился аристократическим генами, а шагал бы, как все – левым маршем... а и плюс к тому, не влезал „Сэнт“ в размер строки поэта-песенника...

...или всё же из соображений Научного Атеизма? Приставка эта, как-никак, «святой» на многих Западноевропейских языках... но интересно, за что его к Святым Угодникам подшили?... весьма улётно, стало быть, летал авиатор этот...

... или же вот эта, вся такая зовущая: «Давайте-ка, ребята, закурим перед стартом – у нас ещё в запасе...», и сразу так и тянет зачислиться в Отряд Космонавтов... а интересно было б знать: они, ну, пока там, на той орбите... нет! в невесомости всё разлетится хуже домика Нуф-Нуфа... без гравитации забить не получается, а наверху, в орбитальных условиях, ни правой, ни левой ластой обратно не сгребёшь...

С молодеватой аккуратностью, готовое изделие складывается во внутренний карман, нагрудный слева. Впрочем «лево-право» – почва несколько туманная, ведь из-за общей относительности всё зависит от точки отсчёта исходного ракурса воззрения.

Если посмотреть на Пизанскую Башню с запада, то она клонится вправо, а когда с востока подойдёшь – у неё явно левый уклон.

Так что «сено-солома» не в силах отразить своей двухмер-

ностью полную картину мира с высоты птичьего полёта, и только правильная «травка» – залог научной достоверности подхода...

По аэродинамической трубе коридора, между-и-одновременно-вдоль двух длинных рядов герметично задраенных дверей, он достиг лестничной клетки, где уже пришлось челночить – туда-сюда (но с каждым поворотом на один таки уровень глубже), снисходя на стартовую площадку вестибюля общаги, чтобы через шлюз входного тамбура совершить выход (без скафандра!) под открытое небо над пылью тропинок (неразличимых с дальних планет) вечернего парка, в объятие мягко густеющих сумерек...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.